

ВЗГЛЯДЫ Н.В. БУССЕ НА ПРОБЛЕМУ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ САХАЛИНА (середина XIX в.)

Владимир Леонидович АНИСИМОВ,
Российская правовая академия
МЮ РФ (Дальневосточный филиал), г. Хабаровск

Одной из главных проблем в русско-японских отношениях 50—60-х годов XIX в. был вопрос о принадлежности и разграничении Сахалина. Она интересовала администрацию Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, в состав которого в середине XIX в. входили Приамурский край и Сахалин. Иркутск добивался от Петербурга учитывать его интересы при проведении российско-японской границы на острове. В начале 50-х годов принадлежность Сахалина рассматривалась Иркутском как часть проблемы разграничения с Цинской империей и «амурского вопроса», а не в целом российско-японских отношений¹. Значительную роль в этом сыграла местная администрация, в первую очередь генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев и его соратники Г.И. Невельской и Н.В. Буссе², деятельность которых до настоящего времени недостаточно исследована*. В частности, Н.В. Буссе считался противником присоединения Сахалина к России³. Архивные материалы показывают другое.

В июле 1850 г. Г.И. Невельской в селении Тыр (106 км от устья Амура) объявил гольдам, гилякам и маньчжурским купцам о принадлежности Приамурского края и о-ва Сахалин России⁴. 11 апреля 1853 г. император Николай I повелел Российско-Американской компании (РАК) занять Сахалин в навигацию 1853 г., а в 1854 г. назначить на остров своего правителя. РАК обязали не допускать на острове никаких иностранных заселений. Учитывая это, генерал-губернатор предписал начальнику Амурской экспедиции занять два — три пункта на восточном или западном берегу Сахалина, но как можно южнее. «Находящихся на южной оконечности Сахалина японских рыбаков не тревожить», оказывать им «дружеское

* Буссе Николай Васильевич (1828—1866) — генерал-майор, участник Амурской экспедиции, чиновник для особых поручений при Н.Н. Муравьеве. В 1853—1854 гг. был руководителем Сахалинской экспедиции, снаряженной по распоряжению императора Николая I для занятия острова; в 1853 г. назначен Г.И. Невельским первым начальником Муравьевского поста; в 1856 г. командовал третьим сплавом по Амуру. После заключения Айгуньского договора 1858 г. получил чин генерал-майора и стал военным губернатором-Амурской области.

расположение», — подчеркивал он, уверив, что их будут защищать «от покушений иностранцев». Сахалинскую экспедицию возглавил майор Н.В. Буссе. Г.И. Невельской предложил занять важный пункт острова Томари-Анива, заселение любого другого пункта обнаружило бы, по его мнению, робкое и нерешительное действие России и неминуемо повлекло к неприятным столкновениям с японским правительством⁵.

В 1853 г. был основан Ильинский пост на западном берегу острова (вблизи селения Кусунай). Прибывший на Амур Н.В. Буссе сообщил начальнику Амурской экспедиции, что залив Анива занимать нельзя. Но Г.И. Невельской, действуя на основе приказаний правительства, которое признало уже Сахалин неотъемлемой частью России, решил выполнить свой план — занять залив Анива 22 сентября (основан Муравьевский пост). Невельской при этом передал японцам, проживавшим там, декларацию, в которой уведомил, что на основании Нерчинского договора 1689 г. и прихода в начале XVII в. на остров русских подданных (удских тунгусов), Сахалин — это неотъемлемая часть России. Японцам разрешалось свободно торговать и заниматься промыслами под защитой Российской империи⁶. Правление РАК назначило правителем Сахалина капитан-лейтенанта И.В. Фуругельма.

Петербург, по всей видимости, учел рекомендации Иркутска в отношении Сахалина и согласился с мнением о стратегической важности острова для обеспечения безопасности устья Амура, которое фактически перешло в руки России в результате деятельности возглавляемой Г.И. Невельским Амурской экспедиции и генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. Последний полагал, что успех в деле разграничения с Китаем на Амуре и подписание Айгуньского договора побудит Петербург доверить ему решение вопроса о разграничении на Сахалине. С такой просьбой он обратился к императору. В конце 1858 г. Александр II дал Муравьеву-Амурскому полномочия на переговоры с японским правительством относительно о-ва Сахалин⁷.

19 мая 1858 г. по заданию генерал-губернатора начальник штаба войск, расположенных в Восточной Сибири, полковник Н.В. Буссе представил Н.Н. Муравьеву докладную записку «Относительно разграничения острова Сахалин», в которой высказал свое видение этой проблемы. Он напомнил, что в 1853—1854 гг. был руководителем Сахалинской экспедиции, снаряженной по распоряжению императора Николая I для занятия острова. В течение восьмимесячного пребывания в заливе Анива Буссе основательно понял «цель занятия японцами некоторых пунктов на Сахалине и пользы, приносимые Японии» сахалинскими колониями. На основании опыта и знаний он высказал генерал-губернатору свое мнение относительно проведения границы в южной части острова. При этом Буссе исходил из указания Е.В. Путятина «...воспользоваться всеми теми пунктами на Сахалине, которые, будучи нам необходимыми, не заняты еще японцами по совершенной бесполезности для них».

Буссе считал, что при занятии о-ва Сахалин русское правительство должно преследовать «две главные цели: а) пользование находящимися на оном богатыми каменноугольными копиями и б) установить такую границу между русскими и японскими заселениями, чтобы никакая ино-

странная держава не имела возможности объявить свои претензии на какой-либо выгодный и удобный на занятие» пункт между русскими и японскими владениями⁸.

Исходя из этого, начальник штаба считал, что граница, предложенная Путятиным, удовлетворяла только первую цель. Для достижения второй цели России необходимо было занять единственную гавань, пригодную для зимовки судов на острове. Она находилась у селения Тоопучи в заливе Анива (залив Буссе). Это было бы полезно и потому, полагал полковник, что гавань находилась на пути из российских и американских колоний к устью Амура и могла служить местом складирования каменного угля, необходимого для судов. В-третьих, заняв гавань, Россия могла «...близко и удобно наблюдать за действиями как японского правительства, так и других держав», которые к тому времени, вероятно, уже обратили внимание на моря, расположенные у тихоокеанских владений России⁹.

Для включения гавани Буссе в русские владения на Сахалине необходимо было, по мнению начальника штаба, «изменить направление граничной черты, предположенной графом Путятиным», что, «возможно, сделать без важного нарушения интересов Японии на Сахалине». Рыба составляла главный вид питания японского народа, увеличение численности населения на японских островах и истощение там рыбных запасов заставили японцев «не так давно» превратить «северную часть о. Матсмая и о. Кунашир и Итуруп в свои рыбопромышленные колонии, ибо и поныне еще не упрочилось в сих местах японское население, и все работы, связанные с рыбной ловлей, производились местными жителями под управлением японских чиновников и приказчиков».

На южной части Сахалина японские рыбопромышленники появились, по данным Н.В. Буссе¹⁰, только в последние годы XVIII в.* Он считал, что «распространение японских колоний» было основано «...исключительно на развитии рыбной промышленности, было причиною, что внимание японцев было обращено единственно на те пункты занимаемых ими островов, которые оказывались наиболее богатыми рыбою»¹¹. Поэтому при разграничении территории между Россией и Японией на Сахалине российская сторона должна была «избегать навредить интересам японцев только в этом отношении». Рыбная промышленность находилась «на откупе от японского правительства под ведением Матсмайского губернатора», и тот получал «значительные выгоды». В связи с этим нанесение вреда японской рыбной промышленности на Сахалине затронуло бы интересы не только японского народа, но и японского правительства, и губернатора Хоккайдо¹².

Сахалинская экспедиция в 1853—1854 гг. подробно исследовала южную часть Сахалина до 43° с.ш. и нашла, сообщил полковник Буссе генерал-губернатору, что «на Сахалине вовсе нет японского населения, никаких сельских хозяйств, военных учреждений, исключая небольших

* На самом деле японцы появились на Сахалине в 30-е годы XVII в. По мнению М. Высокого, первая подтвержденная достоверными документами экспедиция побывала на острове в 1635 г., а с конца XVII в. на юг Сахалина начинают проникать японские рыбаки и торговцы. Первые русские появились на Сахалине в 40-е годы XVII в. Китайцы проникли на остров намного раньше.

огородов, служащих для продовольствия до 25 чел. сторожей из японцев, оставляемых на зиму без семейств для сохранения рыбных магазинов и имущества».

Рыбопромышленные заведения японцев начинались на западном берегу Сахалина несколько южнее селения Найгоро, в 15 верстах севернее которого впадает р. Кусунай, которая могла служить границей между Россией и Японией на острове. Далее к югу японские «заведения» тянулись до мыса Крильон, а в заливе Анива они располагались в нескольких пунктах по его западному и северо-восточному берегу. Самое крайнее из них расположено на северной стороне залива Буссе. К югу от него до мыса Анива и по восточному берегу Сахалина, омываемому Охотским морем, совсем не было рыбопромышленных заведений, а построено только одно зимовье у устья р. Найту, несколько севернее залива Мордвинова. Выбор для занятия этих пунктов японцами обуславливался тем, что сельдь заходила только в западную и северную части залива Анива и в некоторые бухты, образуемые Татарским проливом на юго-западном берегу Сахалина¹³.

В связи с этим, считал бывший руководитель Сахалинской экспедиции, «...для японцев важен собственно только западный полуостров южной части Сахалина, оканчивающийся мысом Крильен (Крильон. — А.А.), и северо-западная часть берега залива Анива, до залива Буссе. Поэтому, если предоставить японцам пользоваться этими местами, то выгоды их в отношении поземельного владения нисколько не напортят». Отграничить эти места было удобно, так как горный хребет, разделивший р. Кусунай, впадавшую в Татарский пролив, и р. Мануи (Мянуи), впадавшую в Охотское море в районе 48° с.ш., к югу разветвлялся на две части. Одна из них шла к юго-западу и образовывала гористый полуостров и мыс Крильон, а другая проходила, понижаясь к северной части залива Буссе, который она отделяла узким перешейком от цепи озер, тянувшихся от него к заливу Мордвинова. Этот хребет спускался круто в море мысом Анива. Поэтому пограничная линия могла быть, считал полковник Буссе, ясно обозначена в договоре: по р. Кусунай, до ее истока и далее по хребту до залива Буссе, северную часть которого можно было бы оставить во владении Японии. Южную же часть залива и весь Восточный полуостров Южного Сахалина до мыса Анива «...отграничить к русским владениям»¹⁴.

Н.В. Буссе напоминал Н.Н. Муравьеву, что на Сахалине не было ни одной гавани для зимовки судов за исключением залива Анива. Поэтому для России он был необходим, хотя гавань удобна лишь для коммерческих судов и небольших военных кораблей с осадкой не более 18 футов. Этот пункт также важен в торговом и политическом отношении.

Полковник считал, что предложенная им граница не нарушила бы «интересы поземельного владения японцев», но тем не менее они понесли бы убытки, так как в российское подданство переходила часть туземцев, которые населяли юго-восточное побережье острова. Японцы до этого использовали их в рыбной промышленности на очень выгодных для себя условиях, «основанных на раболепном повиновении им всех туземцев». Но население юго-восточной части Сахалина было незначительным, и потери японцев были бы невелики, и они не стали бы упорно отстаивать

свои права. Японское правительство, решив создать у себя в стране паровой флот, незамедлительно обратило больше внимания «...на колонии, которые могут доставлять корабельный лес и каменный уголь, и поэтому захочет упрочить за собой возможно больше пространства земли на Сахалине в надежде найти там эти материалы», что заставляло Россию «...поспешить начать переговоры о разграничении, дабы не встретить впоследствии непреодолимых затруднений в успешном окончании оных»¹⁵.

Н.Н. Муравьев использовал докладную записку Буссе, чтобы склонить японское правительство к уступкам России на Сахалине, сохранив за японцами право рыбной ловли в его прибрежных водах. Но в главном генерал был не согласен с Н.В. Буссе. Он считал, что весь остров должен перейти к России.

¹ Анисимов А.Л. Отношение администрации Восточной Сибири к вопросу о русско-японском разграничении на Сахалине в 50—60-е годы XIX века // *Bulletin of the Association for the Inter-Regional Study between Hokkaido and the RFE (Russian Far East)*. 1998. # 1 (April). P. 185, 339; Он же. К вопросу о русско-японском разграничении на Сахалине в середине XIX века // *Власть и управление на Востоке России*. 1999. № 1. С. 70.

² Алексеев А. Сподвижники Невельского. Южно-Сахалинск, 1967. С. 115—122; *Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы: К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства*. Владивосток, 1999. С. 221; ГАИО. Ф. 24, оп. 11/3, к. 2634, д. 6.

³ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—1855. Хабаровск, 1969. С. 53.

⁴ Там же. С. 124—125.

⁵ Там же. С. 228—231, 234.

⁶ Там же. С. 240—251.

⁷ Суворов В.А. Переговоры Н.Н. Муравьева-Амурского в Эдо // *Россия и народы Востока: Проблемы исследования и преподавания истории стран Азии и Африки в высших учебных заведениях: тез. докл. Всерос. науч.-метод. конф.* 28—30 окт. 1993 г. Иркутск, 1993. С. 81—82.

⁸ ГАИО. Ф. 24, оп. 11/3, к. 2634, д. 6, л. 10 об. — 11.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Высоков М. *История Сахалина и Курил в самом кратком изложении*. Южно-Сахалинск, 1994. С. 37, 20—22, 11—14; Stephan J.J. *The Russian Far East. A History*. Stanford (Calif.), 1994. P. 15—17).

¹¹ ГАИО. Ф. 24, оп. 11/3, к. 2634, д. 6, л. 12—13.

¹² Там же. Л. 12—13.

¹³ Там же. Л. 13 об.—14.

¹⁴ Там же. Л. 15 и об.

¹⁵ Там же. Л. 15 об.—16 об.

SUMMARY: In the article “N.V. Busse’s Views on the Problem of the Russo–Japanese Demarcation on Sakhalin at the Middle of the 19th Century” written by V.L. Anisimov N.V. Busse’s role as the chief of a staff of the armies located in Eastern Siberia, since December 1858 till 1866 of the military government of the Amur area during connection of the island to Russia in the 19th century is examined.